

**А.М. МУРЫГИН, А.В. ВОЛОКИТИН,
Н.А. ВОЛОКИТИНА, П.Ю. ПАВЛОВ**

ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ)

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

alek-murygin@yandex.ru
volkt54@mail.ru
anjis@rambler.ru
ppavlov120@gmail.com

**A.M. MURYGIN, A.V. VOLOKITIN,
N.A. VOLOKITINA, P.YU. PAVLOV**

FEATURES OF SETTLING OF THE MIDDLE AND LOWER PECHORA IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES (USING THE EXAMPLE OF ARCHAEOLOGICAL MICROREGIONS)

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье на примере нескольких археологических микрорайонов, расположенных в неоднородных природно-климатических зонах бассейна р. Печоры, рассмотрены закономерности расселения древних коллективов в ландшафтах речных долин рек Печоры и Ижмы на протяжении нескольких тысяч лет. Сделан вывод, что важной частью системы расселения в различные эпохи являлось сосредоточение мест обитания на участках речной долины, в пределах которых системы жизнеобеспечения древнего населения были наиболее эффективны.

Ключевые слова:

северо-восток Европы, бассейн р. Печоры, голоцен, заселение, археологический микрорайон

Abstract

Using the example of several archaeological microregions located in various natural and climatic zones of the Pechora River basin, the patterns of settling of ancient collectives in various land-scapes of the Pechora and Izhma river valleys for several thousand years are considered. The analysis of archaeological sources, data of paleogeographic reconstructions and the spatial distribution of ancient sites is given. It is concluded that the concentration of archaeological sites in the river valley areas within which the life support systems of the ancient population was most effective was an important part of the settlement system in different epochs. A relatively high population density in the archaeological microregions of the Middle Pechora basin was revealed in the Mesolithic, Eneolithic-Bronze and Early Iron Age epochs, which corresponds to the Boreal and Subboreal periods of the Holocene. The archaeological microregions of the Lower Pechora of the Middle Ages were inhabited during the climatic optimum of the sub-Atlantic period. Hunting and fishing formed the basis of the life support systems of the population of the microregions of the Middle Pechora basin. For the Mesolithic sites of the Izhma-Tom microregion, the seasonality of habitats was revealed for the first time. On the Lower Pechora, the formation of medieval archaeological microregions occurred in places with an advantageous military-strategic position. Medieval settlements of archaeological microregions of the Pechora Polar region are characterized by the presence of fortifications, a variety of economic activities of their population, including metallurgy and metalworking; trade and exchange relations with the ancient Russian population have been traced.

Keywords:

Northeastern Europe, Pechora River basin, Holocene, inhabitation, archaeological microregion

• **Введение**

Актуальность комплексных научных исследований арктических и субарктических районов Евразии по всем естественным и гуманитарным направлениям с каждым годом все более возрастает. Важнейшей составной частью этих исследований является изучение истории освоения человеком севера Евразийского материка, в том числе и на примере археологических микрорайонов (далее – АМР). Изучение древностей АМР позволяет понять не только общие закономерности развития древних культур, но и реконструировать историю заселения и хозяйственного освоения конкретных территорий и географических зон в различные эпохи. Археологический микрорайон можно определить как участок местности, в ограниченных пределах которого совокупность факторов оказалась наиболее благоприятна для устойчивого

существования коллективов в данном месте на определенном отрезке времени. В российской археологии изучение АМР – актуальное направление исследований, в настоящее время проводится преимущественно на материалах археологических памятников Западной Сибири и южных областей Урала [1 – 4].

В бассейне средней и нижней Печоры можно выделить несколько археологических микрорайонов, среди которых относительно хорошо изучены на средней Печоре: бызовской (мезолит – позднее средневековье) и ижма-томский (мезолит – ранний железный век); на нижней Печоре – новоборский (ранний железный век – средневековье) и городецкий (ранний металл – средневековье). Они расположены в различных ландшафтно-климатических зонах: АМР средней Печоры – в зоне северной тайги; АМР нижней Печоры – в лесотундре и тундровой зоне (рисунок). В статье на примере археологических ми-

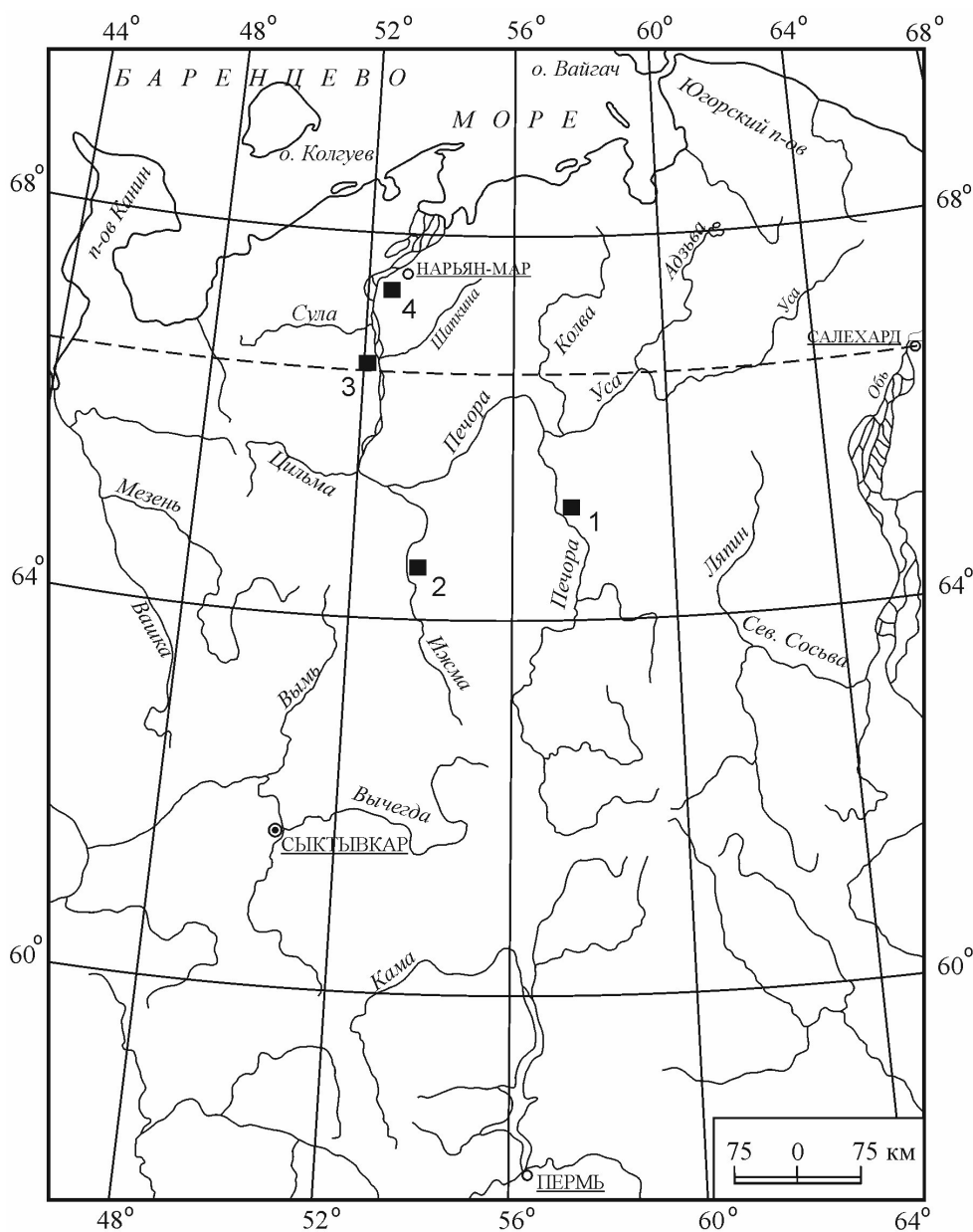

Рисунок. Карта-схема расположения археологических микрорайонов бассейна р. Печоры: 1 – Бызовской; 2 – Ижма-Томский; 3 – Новоборский, Городецкий.
 Fig. Map-layout of archaeological microregions (AMR) of the Pechora basin: 1 – Byzovo AMR; 2 – Izhma-Tom AMR; 3 – Novobor AMR, Gorodetskiy AMR.

крорайонов, расположенных в различных природно-климатических зонах бассейна Печоры, рассмотрены закономерности расселения древних коллективов в различных ландшафтах речных долин Печоры и Ижмы на протяжении нескольких тысяч лет.

- **Современная физико-географическая характеристика и палеогеография голоцена Печорской низменности**

Рассматриваемая в статье территория по административно-территориальному делению занимает Ненецкий автономный округ Архангельской области, восточные и северные районы Республики Коми. Она соответствует Печорской низменности – обширному равнинному пространству на северо-востоке Восточноевропейской равнины, между Уральским хребтом, Тиманским кряжем и хребтом Пай-Хой. На севере Печорская низменность простирается до Баренцева моря. Крупнейшей водной магистралью этой области, пересекающей низменность в общем направлении с юга на север, является р. Печора.

Бассейн Печоры охватывает два неоднородных по ландшафтно-климатическим условиям района Печорской низменности. На севере это Малоземельская и Большеземельская тундры, на юге – таежное Припечорье. Для них характерна выраженная зональность растительного покрова, переkreщивание двух зоогеографических границ: широтной – тундра – тайга, и долготной – Европа – Азия. На севере низменности господствует тундра с реликтовыми лесными «оазисами» и преобладанием в рельефе моренных равнин. Южнее она переходит в подзону лесотундры, где, наряду с тундровой растительностью, большие площади занимают болота и появляются елово-березовые редколесья, которые по долинам рек проникают в зону тундры. Таежная зона занимает большую часть низменности, заходя подзоной крайнесеверной тайги в Большеземельскую тундру, вплоть до Полярного круга. Основу растительного покрова лесной зоны составляют хвойные леса с преобладанием сосны и сибирской ели. В целом территория низменности лежит в зоне избыточного увлажнения и характеризуется суровым, континентальным климатом.

Палеогеографические реконструкции показывают, что ландшафтно-климатические условия Печорской низменности существенно изменялись на протяжении последних 10 тыс. лет.

Пребореальный период голоцена (10300 – 9300 л. н.) (финальный палеолит – ранний мезолит) на территории Печорской низменности характеризуется двухфазным развитием растительности. В первой половине периода происходило распространение лесных формаций, но в целом растительность сохраняла черты перигляциального комплекса с преобладанием тундровых элементов и сообществ из злаков, полыней и маревых [5]. К этому времени, вероятно, относятся финальнопалеолитические находки на стоянке Бызовая.

Бореальный период (9300 – 8000 л. н.) (мезолит). В начале периода произрастали таежные еловые леса, появились широколиственные породы (вяз, липа, лещина). Севернее преобла-

дали северотаежные еловые и березовые леса, чему способствовало раннебореальное потепление. Среднегодовые температуры впервые приблизились к современным и даже превышали их примерно на 0,5 °С. Вторая половина периода характеризуется похолоданием и развитием в современной подзоне средней тайги северотаежных и среднетаежных елово-березовых лесов с участием сосны. Среднегодовые температуры понизились по сравнению с ранним бореалом на 1 – 1,5 °С [там же].

Атлантический период (8000 – 4600 л. н.) (поздний мезолит, неолит, энеолит). В начале периода в современной подзоне средней тайги получили широкое развитие темнохвойные леса среднетаежного типа. Это указывает на похолодание климата. Средние температуры понизились по сравнению с ранним атлантическим незначительно, приблизительно на 0,5 °С. В конце периода еловые леса сменились южно-таежными (сосна, ель с участием пихты и березы). В северных районах доминировали березняки и сосновые леса с участием ольхи, пихты и широколиственных пород. На последнюю треть периода приходились наиболее высокие среднегодовые температуры, которые превышали современные на 2 – 3,5 °С [там же].

Суббореальный период (4600 – 2500 л. н.) (энеолит – бронза – р.ж.в.) характеризовался неустойчивым климатом. В раннем суббореале фиксируется похолодание климата, которое отразилось в понижении среднегодовой температуры на 0,5 – 1 °С. Специфической особенностью развития природной среды Европейского северо-востока является значительное потепление в середине суббореального периода. В этот период значения среднегодовых температур превышали современные на 1,5 – 2,5 °С. В конце суббореального периода среднегодовые температуры по сравнению с предыдущим периодом стали ниже на 1,5 – 2 °С [там же].

Субатлантический период (2500 л. н. – по настоящее время) (р.ж.в. – средневековье). В середине периода получили развитие темнохвойные леса. Этому способствовало наступившее потепление – «малый климатический оптимум». Климат приближался к современному. Температурные условия в это время не достигали уровня максимального потепления голоцена, но явились заметным климатическим событием прошлого. Потепление сменилось похолоданием в конце периода. На севере территории получали развитие лесотундровые группировки с сообществами из ольховника, папоротников и тундровых видов плаунов. Это похолодание сопоставляется с «малой ледниковой эпохой» XVI – XIX вв., проявившейся на всей территории Северной Евразии, наиболее значительно – в северных регионах и несколько меньше – в южных [5].

Таким образом, голоцен Печорского Приуралья характеризуется значительными климатическими изменениями и большой зональной изменчивостью на протяжении X тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

- **Археологические микрорайоны бассейна Печоры**

Бызовской микрорайон (65°01'25"с.ш.; 57°25'09" в.д. – 65°00'57"с.ш.; 57°18'18" в.д.), расположен на Средней Печоре, в подзоне северной тайги

и приурочен ко второй террасе правого берега Печоры в окрестностях дер. Бызовая (Печорский район Республики Коми). В микрорайоне на протяжении 6 км вдоль берега р. Печоры выявлено 22 памятника археологии, относящихся к различным археологическим эпохам: от мезолита до XII в. н. э. Основные исследования археологических памятников микрорайона проведены В.И. Канивцом в середине 60-х гг. XX в. [6 – 8]. В последующем раскопки отдельных стоянок осуществлены П.Ю. Павловым [9], А.В. Волокитиным [10] и А.М. Мурыгиным [11].

В пределах микрорайона расположен уникальный для высоких широт Евразии памятник финала среднего – начала верхнего палеолита – стоянка Бызовая [12; 13]. Однако он вряд ли может быть включен в состав АМР ввиду огромного хронологического разрыва (более 20 тыс. лет) между этим памятником, относящимся к позднему плейстоцену (33000 – 31000 л. н.), и голоценовыми археологическими памятниками АМР. Следует все же отметить, что на стоянке, кроме палеолитического слоя, выявлены единичные стратифицированные находки финального палеолита (10000 – 11000 л. н.?) и культурный слой эпохи мезолита (8 500 л. н.), который, вероятно, может быть связан с ранним периодом существования археологического микрорайона.

Самый значительный кластер археологических памятников (21) микрорайона находится в 3 км к западу от дер. Бызовая в урочище Топыд-Нюр, один памятник выявлен в пределах дер. Бызовая (Сирпач-Шор). Стоянки в урочище расположены на протяжении 2 км вдоль бровки 12-метровой террасы Печоры, и большинство содержит культурные остатки различных эпох.

Пять стоянок относятся к эпохе мезолита Топыд-Нюр-II, V, VI, VII и Зыбун-Нюр II; неолита (?) – три (Сирпач-Шор, Топыд-Нюр V и VI); энеолита – четыре (Топыд-Нюр IV, VIII, IX, XII); бронзы – одна (Топыд-Нюр XIII); раннего железного века – три (Топыд-Нюр I, II, IV); средневековья – пять стоянок (Топыд-Нюр III, IV, VII, Зыбун-Нюр I и III). В микрорайоне выявлено относительно большое количество мезолитических стоянок, которые, судя по радиоуглеродным датировкам, относятся к рубежу бореального и атлантического периодов. На стоянках Топыд-Нюр V и VII изучены остатки наземных жилищ [7; 10] с каменными вымостками. Все мезолитические стоянки микрорайона относятся к так называемой «западной» традиции мезолита северо-востока Европы и в культурном плане связаны с мезолитом центральных районов Восточноевропейской равнины [14]. Изученные мезолитические стоянки, вероятно, одновременны и могут являться следами локального перемещения одной общины в течение одного или нескольких сезонов.

Неолитические (?) памятники, выявленные в бызовском микрорайоне – стоянка Сирпач-Шор и ряд местонахождений в урочище Топыд-Нюр (Топыд-Нюр V, VI), не имеют обоснования возраста, их культурная принадлежность неясна, и отнесение указанных памятников к эпохе неолита достаточно условно.

Стоянки медно-бронзового века (Топыд-Нюр IV, XII, IX, VIII) относятся к чойновтинской культуре Европейского северо-востока [15]. Эпоха бронзы представлена поселением атаманюрской культуры (Топыд-Нюр XIII), распространенной в

бассейнах Печоры и Вычегды во второй половине II тыс. до н. э. [16].

Существенным отличием памятников энеолита-бронзы микрорайона является наличие на многих из них жилищ-полуземлянок (Топыд-Нюр XII, VIII, XIII) [6; 8]. Это обстоятельство свидетельствует о существовании в урочище в медно-бронзовом веке ряда относительно долговременных (сезонных) стоянок.

Памятники раннего железного века представлены кратковременными стоянками ананьинской культурной общности.

К раннему средневековью (вторая половина I тыс. н. э.) относятся кратковременные стоянки бичевницкого культурного типа и поселение Топыд-Нюр VII. К рубежу I – II тыс. н. э. – поселение Зыбун-Нюр III с выраженными следами металлургии железа. Памятник, вероятно, принадлежит вымской культуре древних коми и фиксирует начальный этап их проникновения в бассейн Печоры [11].

Приведенный анализ показывает, что большинство выявленных в урочище Топыд-Нюр памятников – это кратковременные стоянки небольших коллективов охотников-рыболовов. Наряду с ними в урочище Топыд Нюр выявлены памятники эпохи энеолита и бронзы, на которых изучены остатки жилищ-полуземлянок. Этот факт может служить косвенным свидетельством полуседлого образа жизни отдельных групп населения Печоры в эпоху энеолита-бронзы. Памятники эпохи раннего металла существовали в регионе в середине суббореального периода, отличавшегося благоприятными, умеренно теплыми климатическими условиями.

Данные, полученные при исследованиях памятников микрорайона, свидетельствуют о его привлекательности для древнего населения на протяжении практически всего голоцена, это, скорее всего, связано с его расположением в благоприятном для рыбного промысла месте, где практикуются ловля сетью и лучение лосося-семги. Кроме того, в среднем течении русло Печоры наиболее близко подходит к хребтам Северного и Приполярного Урала, что могло способствовать вовлечению в хозяйственное освоение древним населением высокопродуктивных биотопов предгорий в дополнение к ресурсам речной долины.

В среднем течении Печоры наибольшее сходство с бызовским АМР имеет конецборский кластер археологических памятников [17]. В районе дер. Конец Бор на ограниченном участке речной долины, в урочище Грубой-Шор, также сосредоточены памятники медно-бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья. Определенные параллели можно проследить в медвежском кластере археологических памятников (выявлены памятники раннего железного века и раннего средневековья) [там же] и группе памятников вуктыльской концентрации (Атаман-Нюр, энеолит-бронза – ранний железный век) [там же]. Памятники в районе деревень Конец Бор и Медвежская также расположены в непосредственной близости от лососевых тоней.

Ижма-Томский микрорайон (64°36'39"с.ш.; 53°20'8"в.д. – 64°25'37"с. ш.; 53°25'24"в.д.) расположен в среднем течении р. Ижмы, самом крупном левом притоке р. Печоры, в северной

подзоне тайги. Границы Ижма-Томского микрорайона – устье р. Лек-Леса на севере и приустьевой участок безымянного ручья, местное название Золотой, вытекающего из обширного болота Лэннюр на юге.

Начало исследований в микрорайоне положено в 1964 – 1965 гг. В.Е. Лузгиным [18], продолжено Т.В. Истоминой и А.В. Волокитиным во второй половине 1980-х гг. [19], возобновлено в 2003 г. А.В. Волокитиным [20; 21]. В результате представилась возможность обозначить новый георхеологический микрорайон.

В микрорайоне на протяжении 20,5 км вдоль русла Ижмы, на ее правом берегу, выявлено более 40 памятников археологии, относящихся к эпохе мезолита (7), неолита (1), энеолита (1), бронзы (14) и раннего железного века (19). Ряд памятников не получил датировки, а на некоторых выявлены остатки двух и более эпох. Чаще всего это материалы эпохи бронзы и раннего железного века. За исключением многослойного памятника Вылыс Том 2, который находится на аллювиальной первой террасе, они расположены на останцах второй так называемой боровой террасы высотой 12 – 15 м.

Раскопные работы проведены на поселении раннего железного века Туруннюр 2 и мезолита Туруннюр 1 в 1964 – 1965 гг. В.Е. Лузгиным [18], Лек-Леса 1 в 1988 – 1989 гг. А.В. Волокитиным [22]. Новейшие исследования выполнены А.В. Волокитиным и Н.А. Волокитиной на многослойном памятнике Вылыс Том 2 и мезолитической стоянке Очью катище.

Ижма-Томский микрорайон насчитывает семь мезолитических памятников, три из которых исследованы раскопками. К неолиту относится второй культурный горизонт памятника Вылыс Том 2, где находки, а особенно керамика, немногочисленны. По косвенным признакам: тепловая обработка кремня, свидетельства изготовления тонких бифасов, крупные резцы – можно предварительно отнести данный горизонт к неолиту с ямочно-гребенчатой керамикой.

Местонахождение Картаель II, по данным В.С. Стоколоса, относится к позднему этапу чужьяельской культуры энеолита [16]. Среди местонахождений эпохи бронзы выделены Туруннюр I и Туруннюр II, участок 1, отнесенные к позднему бронзовому веку [18]. Местонахождения Лэннюр 2, 4 – 6 (эпоха бронзы) имеют от двух до семи жилищных впадин. Возможно, исследование этих объектов принесет свидетельство наличия долговременных поселений этой эпохи. Л.И. Ашихмина и И.О. Васкул [23] среди памятников раннего железного века микрорайона особо отметили Картаель III (ананьино) и Картаель V (первый этап гляденовской культуры, конец III – начало I в. до н. э.). Первый культурный горизонт памятника Вылыс Том 2 датируется поздним периодом существования ананьинской общности раннего железного века (культурный тип Перный, VI – III вв. до н. э.) [там же].

На данный момент Ижма-Томский георхеологический микрорайон – единственный в Северном Приуралье, где раскопано несколько мезолитических памятников. Особенностью микрорайона является то, что выявленные здесь памятники эпохи мезолита относятся к различным традициям. К приуральской – стоянка Лек-Леса, с некоторыми оговорками стоянка Туруннюр I, а

также открытый совсем недавно памятник Улыс Том 4; к западной традиции в данном микрорайоне – мезолитические (третий и четвертый) культурные горизонты многослойного археологического памятника Вылыс Том 2, стоянки Очью катище и Вылыс Том 3.

Исключительное значение в плане мезолитической проблематики микрорайона и в целом Европейского северо-востока имеет исследование мезолитических горизонтов многослойного памятника Вылыс Том 2, который приурочен к отложениям аллювиальной 10-метровой террасы и располагается в приустьевой части р. Вылыс Том. Третий и четвертый мезолитические горизонты памятника залегают в гумусированных слоях. Во время существования данных горизонтов (мезолитических стоянок) они находились невысоко над рекой, на низкой пойме и регулярно затоплялись. Согласно радиоуглеродным датам, это произошло около 8000 – 7000 л. н. [24].

Между этими горизонтами выявлен десяток тонких двучленных пачек (гумусированный суглинок/песок), отвечающих количеству половодий. Скорее всего, время существования третьего и четвертого культурных горизонтов разделено именно таким количеством лет.

Отметим присутствие охры, совпадение расположения кострищ и даже их размеров, наличие шлифовки предметов из эпидозита и сланца в обоих культурных горизонтах. Сходство инвентаря третьего и четвертого горизонтов прослеживается в технике раскалывания и орудийных наборах. Весьма вероятно, что стоянки данных горизонтов оставлены одной и той же группой древнего населения.

Ряд мезолитических стоянок, выявленных неподалеку на более высоких отметках, близок по технико-типологическим показателям инвентаря мезолитическим горизонтам памятника Вылыс Том 2. В связи с этим вырисовывается картина сезонных «перемещений одного коллектива» с низкой поймы (Вылыс Том 2) на высокую 10–12-метровую террасу (Очью катище, Вылыс Том 3).

Наиболее исследована стоянка Очью катище. Это традиционная для европейского северо-востока боровая стоянка, расположенная на 12-метровой террасе в 2 км южнее Вылыс Тома 2. Выявляется безусловное сходство кремневых индустрий данной стоянки и мезолитических горизонтов Вылыс Тома 2. Можно предполагать, что стоянка Очью катище оставлена тем же населением, что и мезолитические горизонты Вылыс Том 2. Однако в период высокой водности, когда низкая пойма была затоплена, население вынуждено перемещалось на более высокие участки долины реки. Предположение о сезонности и хозяйственных циклах, конечно, требует дальнейшего анализа фаунистических остатков. Пока же можно указать на отсутствие в материалах боровой стоянки костей рыб и незначительное количество костей птиц. Следует отметить, что еще одна боровая стоянка Вылыс Том 3, выявленная в непосредственной близости от памятника Вылыс Том 2, скорее всего, также имеет непосредственное отношение к данным перемещениям [21].

Наблюдается сходство описанных выше кремневых индустрий и индустрий стоянок Парч 1 и Парч 2 на Вычегде [25]. Они, согласно радиоуглеродным датам, несколько древнее и

отличаются наличием в орудийном наборе черешковых наконечников стрел на пластинах. Однако сходства в других компонентах орудийного набора, сходной высокой долей предметов со вторичной обработкой, а также в технике раскалывания очевидны. Таким образом, они относятся к одной и той же традиции мезолита европейского северо-востока. В качестве «родственной мезолитической культуры» для данной традиции можно назвать бутовскую культуру Волго-Окского междуречья [26].

Совершенно другая традиция представлена материалами стоянки Лек-Леса 1, самой северной в Ижма-Томском микрорайоне [22]. Возраст стоянки, судя по радиоуглеродным датам, сопоставим с датами Выльс Тома 2 или несколько древнее. Для нее характерен так называемый камский тип распределения пластин по ширине, что указывает на совершенно другую технологию расщепления кремня. Орудийный набор не так разнообразен, как у памятников Выльс Том 2 и Очью катище. Такие индустрии имеют сходство с материалами мезолитических стоянок на р. Каме, тех, что традиционно относят к «камскому мезолиту», («камской мезолитической культуре»).

Недавно открытая стоянка Ульс Том 4 обладает очевидным сходством со стоянкой Лек Леса 1. В коллекции преобладают узкие кремневые пластины и их обломки, в том числе с ретушью, есть микропластинки. Присутствуют косо- и прямоусеченные пластинки с вентральной ретушью по краям.

Стоянка Туруннюр 1 также имеет «камский тип» распределения пластин по ширине. В то же время, некоторые показатели пропорций фрагментов пластин, особенности орудийного набора указывают на то, что здесь присутствуют черты традиции, характерной для стоянок Парч – Выльс Том – Очью катище [14].

Таким образом, в Ижма-Томском микрорайоне выявлены практически одновременные мезолитические памятники двух традиций, возможно, отражающих направления заселения бассейна средней Печоры в мезолите. Расположенные на разных уровнях долины р. Ижмы памятники Выльс Том 2 и Очью катище, возможно, являются свидетельством сезонных перемещений одного и того же коллектива.

Новоборский и Городецкий микрорайоны расположены в заполярном течении нижней Печоры: новоборский – на левом берегу проток р. Печоры (район пос. Новый Бор Республики Коми), Городецкий – на правом берегу р. Печоры (запад Большеземельской тундры, Ненецкий автономный округ).

Новоборский АМР находится в зоне лесотундры (66°40'57.02"с.ш.; 52°18'12.77"в.д. – 66°41'40.90"с.ш.; 52°18'43.36"в.д.). Современный ландшафт местности представляет собой вытянутую вдоль русла р. Печоры заболоченную возвышенность, отделенную от русла реки широкой (до 3 км) поймой, в которой имеется много мелких водоемов, пойменных и русловых проток (мест. – «шары»).

Освоение прилегающей к микрорайону местности демонстрируют недатированные стоянки на берегу оз. Малое Мыльское, могильник раннего железного века (конец III – II вв. до н. э.) Новый Бор I и поселение второй половины

I тыс. н. э. Новый Бор I на протоке (озере) Туйсе-яха [17; 27; 28].

Средневековая группа памятников в большинстве расположена на краю мысовидных участков 7 – 9-метровой левобережной террасы протоки Денисовский Шар (поселение Денисовское, городища Новый Бор I, II, III, датированные XII – XIII вв. н. э.), а более позднее – селище Новый Бор XIII – XIV вв. н. э. – было устроено в глубине террасы. На удалении около 5,3 км к СЗ от городища Новый Бор III на краю 9-метрового левого берега протоки Марицкий Шар выявлено аналогичное по дате (XII – XIII вв. н. э.), керамике и устройству фортификационных сооружений городище Новый Бор IV [17; 29; 30].

Городецкий АМР (67°32'13"с.ш. 52°36'30"в. д.) в эпоху средневековья включал поселение Югорская сопка (радиоуглеродные даты по δ: четвертая четверть IV – третья четверть VII вв. н. э.), городище Кобылиха (вторая половина I – первая половина II тыс. н. э.), городище Гнилка VI – X вв. н. э. и святилище Гнилка VI – XIII вв. н. э. [31 – 33]. Начало формирования средневекового кластера Городецкого АМР приходится на климатическую зону SA-2 (1800 – 1200 л. н.), характеризующуюся потеплением и распространением в регионе хвойных лесов [34].

Памятники АМР расположены на краю береговых террас Городецкого озера различной высоты и примыкающих водотоков, соединяющих его с правобережьем р. Печоры. Озера издревле являлись важнейшей точкой притяжения для населения таежной и тундровой зон Северного Приуралья. Об этом свидетельствует сосредоточие разновременных археологических памятников по всей цепочке озер Северного Приуралья (Синдорское, Ямозеро, Косминское, Урдюжское) и на крупных водоемах Мало- и Большеземельской тундры [17; 35; 36]. Одним из таких водоемов является Городецкое озеро. Многочисленный подъемный материал, собранный в разное время в котловинах выдувания на его берегах, не имеет надежного обоснования возраста и культурной интерпретации. Эти находки могут свидетельствовать об освоении побережья Городецкого озера, вероятно, не позднее эпохи бронзы.

Средневековые памятники Печорского Заполярья неоднородны. Большинство из них в Новоборском и Городецком АМР (конец IV – XIII вв. н. э.) являются составной частью нижнепечорского ареала городищ и неукрепленных долговременных поселений круглогодичного обитания или периодического посещения новоборского культурного типа [37]. Для них характерна однотипная керамика, не имеющая прямых аналогов в культурах эпохи железа континентальной части тундры, наличие явных следов металлообработки и металлургии, в том числе железнорудного производства, находки древнерусской керамики в материалах XII – XIII вв. н. э. К этой же группе памятников принадлежит и святилище Гнилка (Городецкий АМР), содержащее разнообразные многочисленные приношения, а в числе сооружений – остатки предположительно традиционного русского срубного жилища с развалом печикаменки. Предполагается, что святилище представляло собой в VI – X вв. н. э. единый культурный комплекс с расположенным рядом городищем Гнилка. Святилище су-

ществовало вплоть до конца XIII в. Прекращение его функционирования связывается со сменой населения в печорских тундрах – исчезновением летописной «печеры» и приходом ненецких племен [33].

В Новоборском АМР выделяется селище Новый Бор (XIII или XIV вв. н. э.). На основанном в глубине террасы неукрепленном поселении найдены остатки различных сооружений с обваловкой, из которых были исследованы два [38; 39]. Они определены как предположительно косторезная мастерская и кузница и, возможно, ювелирная мастерская с соответствующим инвентарем, в том числе – остатками двухкамерного кузнечного горна. Керамика единична, вся изготовлена на гончарном круге. Выявленные вещевой инвентарь и сооружения носят общерусский характер и находят аналогии на древнерусском Северо-Западе [39]. Состав материальных остатков не позволяет однозначно отнести селище Новый Бор к памятникам новоборского культурного типа. С учетом сказанного нельзя исключить его принадлежность к древнерусским первопроходцам Печорского севера.

Основным объектом охоты для коллективов нижнепечорских АМР на протяжении всей эпохи средневековья был северный олень. В культурном слое памятников определены также кости лося, медведя, бобра, зайца, лисицы, соболя, утки, глухаря, налима, нерпы [31 – 33; 39]. Их наличие указывает на разнообразие видов промысловой деятельности, что значительно повышало устойчивость системы жизнеобеспечения населения. В состав жертвенных животных на святилище Гнилка, кроме промысловых видов, входили свинья и домашняя собака [33]. Кости собаки найдены также на городище Кобылиха [31].

• Обсуждение материала

Приведенные данные позволяют охарактеризовать различия условий формирования и размещения АМР эпохи первобытности (мезолит – ранний железный век) и средневековья в бассейне р. Печоры и определить основные черты систем жизнеобеспечения их населения.

Микрорайоны бассейна средней Печоры, относящиеся к первобытной эпохе, расположены, как правило, в урочищах (часть местности, отличная от остальных участков окружающего ландшафта) и характеризуются наличием памятников различных археологических эпох. Они находятся на возвышенных сухих участках песчаных надпойменных террас. В АМР средней Печоры не фиксируются следы одновременного пребывания или постоянного присутствия населения. Скорее можно говорить о спорадическом посещении участков речной долины с богатым природно-ресурсным потенциалом. Абсолютное большинство выявленных в АМР средней Печоры археологических памятников – это кратковременные стоянки, вероятно, следы эпизодических посещений. В Ижма-Томском АМР для эпохи мезолита выявлено существование системы сезонных поселений, которые указывают на относительно постоянное проживание мезолитических групп в АМР по крайней мере на протяжении промыслового сезона, со сменой мест обитания в зависимости от уровня воды в реке.

Существенные изменения происходят в типе памятников АМР средней Печоры в медно-бронзовую эпоху. На памятниках этого времени изучены остатки жилищ-полуземлянок, что является косвенным свидетельством полуоседлого образа жизни или по крайней мере сезонного проживания небольших коллективов охотников-рыболовов.

АМР бассейна средней Печоры имеют несомненное сходство. Наибольшая концентрация памятников в Бызовском и Ижма-Томском АМР характерна для мезолита, энеолита-бронзы и первой половины раннего железного века. Таким образом наибольшая плотность населения в бассейне средней Печоры отмечается в бореальном и суббореальном периодах среднего-позднего голоцена. Они отличались умеренно-теплыми климатическими условиями, что способствовало ведению традиционного хозяйства, связанного со значительными перемещениями в течение года. Можно предположить, что существенное потепление климата, например, в климатическом оптимуме голоцена – атлантическом периоде, не всегда вело к увеличению плотности населения в долине Печоры. Наряду со значительным подъемом среднегодовых температур для атлантикума характерно заметное увеличение влажности, приводившее к заболаченности значительных участков речных долин.

Основу хозяйства обитателей АМР средней Печоры, вероятно, составляла рыбная ловля. Свидетельством рыболовства является большое количество остатков рыб на стоянках Ижма-Томского АМР. С большой долей уверенности можно предполагать, что такой же тип хозяйства был характерен и для населения Бызовского АМР.

Таким образом, основным фактором образования микрорайонов в бассейне средней Печоры являлись природно-ресурсные преимущества определенных участков речной долины.

Археологические источники эпохи средневековья указывают на существование в облесенной части долины заполярной Печоры, начиная от Северного полярного круга и вплоть до ее устья, локальной группы населения. Культурный комплекс этих памятников, наиболее ранним из которых является поселение Югорская сопка, фиксирует появление на нижней Печоре новой традиции. Основным компонентом при ее формировании являлись коллективы из обско-печорского угро-самодийского культурного ареала.

Ряд находок на поселении Югорская сопка (Городецкий АМР) свидетельствует о развитии уже на этом этапе местной металлургии и металлообработке цветных и черных металлов. В производстве использовалось как местное, так и привезенное сырье. В черной металлургии можно предполагать применение местных окисных железных руд, а для медного литья – медистых окисных руд с месторождений Урала и Тимана. Возможна и вторичная переплавка привозных изделий из цветного металла. На площадке поселения выделена производственная зона, где были сосредоточены остатки сооружений для получения железа из болотных руд в его, видимо, архаичном виде – варкой на открытых кострах с глиняными вымостками или в примитивных сыродутных горнах [32].

Использование местных болотных руд не прерывалось на протяжении последующих столетий. На городище Кобылиха выявлен комплекс,

включающий остатки сооружений (домницы), связанных с металлургическим производством, и сопутствующие ему находки. Остатки железодельного (шлаки и фрагменты крицы) и бронзолитейного (обломки керамических тиглей) производства обнаружены на городище Гнилка. Следы железодельного производства выявлены на памятниках Новоборского АМР.

На городище Гнилка обнаружены деревянные конструкции типа тына, остатки прямоугольной башни и воротного проема, предметы быта и украшения. Предполагается, что после X в. в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племен русскому влиянию городище на р. Гнилке, в числе других укрепленных поселений в районе нижней Печоры, прекратило существование. Находки позднего хронологического горизонта на площади городища связываются с ремесленным производством древнерусских городов XI – XIII вв. н. э. и отнесены к культурным остаткам расположенного рядом древнего святилища [33].

• Выводы

Анализ материалов археологических микрорайонов бассейна Печоры показал существенные различия между первобытными и средневековыми АМР.

В целом, характеризуя особенности заселения бассейна средней Печоры в первобытности, его можно определить как «комбинированное». В бассейне Печоры, наряду с дисперсной, наблюдается компактное размещение археологических памятников на участках местности, обладающих природно-ресурсными преимуществами и отличающихся удобством для устройства сезонных стоянок и поселений, образующих АМР.

Основным фактором образования микрорайонов бассейна средней Печоры в первобытную эпоху: мезолит – ранний железный век, являлись природно-ресурсные преимущества конкретных участков речной долины, как правило, урочищ. По материалам Бызовского и Ижма-Томского микрорайонов устанавливается эпизод перехода к полуседлому образу жизни в энеолит-бронзе. В ижма-томском АМР существование системы сезонных поселений предполагается для мезолита, что предполагает проживание в АМР (или его систематическое посещение) по крайней мере на протяжении года. Вероятно, этому способствовали благоприятные природные условия середины суббореального периода голоцена. Во всех АМР средней Печоры отсутствуют долговременные поселения (существовавшие несколько сезонов). Можно констатировать крайне низкую плотность населения в бассейне Печоры на протяжении всей первобытной эпохи. Основу хозяйства населения АМР средней Печоры составляли охота и рыболовство.

Специфической чертой средневековых АМР нижней Печоры является их размещение на удалении от основного русла реки – на русловых протоках и прилегающих озерах, соединенных с главной речной артерией небольшими водотоками. Для памятников новоборского типа характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка), наличие укреплений в виде валов и рвов

(Гнилка, Кобылиха, Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). Находки фрагментов древнерусской керамики на поселениях новоборского типа XII – XIII вв. н. э. (Кобылиха, Новый Бор III) предполагают присутствие в среде местного населения ее носителей, а позднее – в XIII – XIV вв. н. э., возможно – основание ими постоянных мест обитания (селище Новый Бор).

Вполне вероятно, что появление укрепленных поселений на нижней Печоре следует увязывать с необходимостью защиты территории расселения новоборских коллективов от проникающих на крайний северо-восток Европы групп древнерусского и самодийского происхождения. Можно полагать, что формирование здесь средневековых археологических микрорайонов происходило в местах, имеющих выгодное военно-стратегическое положение. На известных южных границах локальной территории были основаны новоборские городища, на северных – Ортинское городище в приустьевой части долины р. Печоры. Характерно и расположение средневековых археологических памятников Городецкого АМР в приустьевых участках, впадающих в озеро рек, как бы прикрывающих пути продвижения к озеру и далее к р. Печоре.

Как представляется, конечным и закономерным итогом развития нижнепечорских АМР следует считать основание на Городецком озере в конце XV в. города-крепости Пустозерска – важнейшего форпоста на пути освоения новых земель к востоку от Печоры и основы для дальнейшего развития микрорайона в новых исторических реалиях. При выборе места учитывались, очевидно, не только его удачное географическое положение, но и уже имеющиеся связи с нижнепечорским населением, представленным материалами памятников новоборского типа – предположительно летописной «печорой».

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми в рамках научного проекта № 20-49-110002.

• Литература

1. Матющенко, В.И. Экологический фактор функционирования археологического микрорайона (АМР) / В.И. Матющенко // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 89 – 91.
2. Матющенко, В.И. Возможности исследований археологических микрорайонов для социально-экономических реконструкций / В.И. Матющенко // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 16 – 18.
3. Археологические микрорайоны Северной Евразии: материалы науч. конф. / под ред. С.С. Тихонова. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – 168 с.
4. Русланов, Е.В. Археологические микрорайоны Башкирского Приуралья и Зауралья. История выделения, проблемы и перспективы изучения / Е.В. Русланов // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 4 (126). – С. 134 – 139.
5. Голубева, Ю.В. Палеогеография и палеоклимат позднеледниковья и голоцена в

- северной и средней подзонах тайги Тимано-Печоро-Вычегодского региона (по палинологическим данным): автореф. дис. ... канд. Геол.-минер. наук. / Ю.В. Голубева. – Сыктывкар, 2010. – 26 с.
6. Канивец, В.И. Поселения железного века на Средней Печоре / В.И. Канивец // ИКФВГО. Т. II. Вып. 4 (14). – Сыктывкар, 1972. – С. 79 – 89.
 7. Канивец, В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе / В.И. Канивец // Поселения каменного и медно-бронзового веков на Печоре и Усе. – Сыктывкар, 1973. – С. 3 – 23. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. IV).
 8. Канивец, В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла / В.И. Канивец. – Москва: Наука, 1974. – 150 с.
 9. Павлов, П.Ю. Раскопки Бызовской палеолитической стоянки в 1983–1985 гг. / П.Ю. Павлов // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1986. – С. 6 – 21. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. 10).
 10. Волокитин, А.В. Особенности индустрий мезолитических памятников Топыд-Нюр 5 и 7а на средней Печоре / А.В. Волокитин // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1987. – С. 6 – 15. – (Тр. ИЯЛИ. Вып.39)
 11. Мурыгин, А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья / А.М. Мурыгин. – Москва: Наука, 1992. – 182 с.
 12. Канивец, В.И. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы: бассейн Печоры / В.И. Канивец. – Москва: Наука, 1976. – 98 с.
 13. Павлов, П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала / П.Ю. Павлов // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 50 – 60.
 14. Волокитин, А.В. Мезолит / А.В. Волокитин // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – Ч. 3, гл. 2. – С. 91 – 145.
 15. Стоколос, В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1988. – 256 с.
 16. Стоколос, В.С. Энеолит и бронзовый век / В.С. Стоколос // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – Ч. 4. – С. 213 – 313.
 17. Археологическая карта Республики Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми Республиканская типография», 2014. – 416 с.
 18. Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.
 19. Истомина, Т.В. Материалы к археологической карте Ижемского района / Т.В. Истомина, А.В. Волокитин // Научные экспедиции и исследования Коми края: тез. докл. V науч. краеведческой конф. Республики Коми. – Сыктывкар, 1993. – С. 50 – 54.
 20. Багин, А.Л. Разведочные работы на Ижме / А.Л. Багин, А.В. Волокитин // Археологические открытия 2003 г. – Москва: Наука, 2004. – С. 12 – 14.
 21. Волокитин, А.В. К вопросу о сезонных миграциях в мезолите р. Ижма // Верхнедонской археологический сборник / А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина; отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. – Вып. 11. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 268 – 278.
 22. Волокитин, А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма / А.В. Волокитин // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – Москва: Изд-во АCADEMIA, 2005. – С. 198 – 205.
 23. Ашихмина, Л.И. Памятники ананьинской культурной общности / Л.И. Ашихмина, И.О. Васкул // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – С. 314 – 348.
 24. Волокитин, А.В. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене / А.В. Волокитин, А.В. Панин, Х.А. Арсланов // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2014. – № 3. – С. 42 – 46.
 25. Волокитин, А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Выегде / А.В. Волокитин. – Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2006. – 126 с.
 26. Сорокин, А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснянской экспедиции) / А.Н. Сорокин. – Москва, 1990. – 248 с.
 27. Плюснин, С.М. Предыстория села Новый Бор / С.М. Плюснин // Духовная культура: история и тенденция развития: тез. докл. – Сыктывкар, 1992. – Ч. 2. – С. 27 – 29.
 28. Васкул, И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми / И.О. Васкул. – Москва: ДиК, 1997. – С. 349 – 399.
 29. Плюснин, С.М. Городища Нового Бора / С.М. Плюснин // Тез. Межд. симпозиума «Проблемы историко-культурной среды Арктики». – Сыктывкар, 1991. – С. 115 – 116.
 30. Мурыгин, А.М. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье / А.М. Мурыгин, М.В. Кленов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2015. – № 3 (23). – С. 119 – 131.
 31. Барышев, И.Б. Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре: материалы по истории и археологии России. Т.1 / И.Б. Барышев. – Рязань: Александрия, 2010. – С. 216 – 230.
 32. Мурыгин, А.М. Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Вып. I. / А.М. Мурыгин. – Нарьян-Мар – Сыктывкар: ООО «Коми Республиканская типография», 2019. – 96 с.
 33. Ясински, М.Э. Пустозерск. Русский город в Арктике / М.Э. Ясински, О.В. Овсянников. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2003. – 400 с.
 34. Никифорова, Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока Европейской части СССР / Л.Д. Никифорова // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – Москва: Наука, 1982. – С. 154 – 162.
 35. Лузгин, В.Е. Археологические памятники бассейна р. Сула (Малоземельская тундра) / В.Е. Лузгин, А.М. Мурыгин, В.Н. Карманов // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – С. 53 – 79. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. 19).
 36. Чернов, Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры / Г.А. Чернов. – Москва: Наука, 1985. – 169 с.

37. Мурыгин, А.М. Керамическое производство населения Циркумпольной области Северного Приуралья эпохи железа – традиции и новации // I Международная конференция «Археология Арктики»: тез. докл. (19 – 22 ноября, Салехард) / А.М. Мурыгин. – Екатеринбург, 2017. – С. 136 – 137.
38. Багин, А.А. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2000 г. / А.А. Багин. – Сыктывкар: НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 554. 99 с.
39. Багин, А.А. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2001 г. Раскопки поселения Новый Бор 3/1. / А.А. Багин. – Сыктывкар: НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 584. 9 с.
- **References**
1. Matyushchenko, V.I. Ekologicheskij faktor funkcionirovaniya arheologicheskogo mikrorajona (AMP) / V.I. Matyushchenko // Ekologija drevnih i sovremennyh obshchestv [Ecological factor of the functioning of the archaeological microregion (AMR) // Ecology of ancient and modern societies]. – Tyumen: Inst. of Problems of Development of the North, Siberian Branch, RAS, 1999. – P. 89 – 91.
 2. Matyushchenko, V.I. Vozmozhnosti issledovaniy arheologicheskikh mikrorajonov dlja social'no-ekonomicheskikh rekonstrukcij / V.I. Matyushchenko // Social'no-demograficheskie processy na territorii Sibiri (drevnost' i srednevekov'e) [Possibilities of research of archaeological microregions for socio-economic reconstructions // Socio-demographic processes on the territory of Siberia (Antiquity and the Middle Ages)]. – Kemerovo, 2003. – P. 16 – 18.
 3. Arheologicheskie mikrorajony Severnoy Evrazii [Archaeological microregions of Northern Eurasia]: materials of sci. conf. / Ed. S.S. Tikhonov. – Omsk: «Apelsin» Publ, 2009. 168 p.
 4. Ruslanov, E.V. Arheologicheskie mikrorajony Bashkirkogo Priural'ja i Zaural'ja. Istorija vydelenija, problemy i perspektivy izucheniia [Archaeological microregions of the Bashkir Urals and Trans-Urals. History of allocation, problems and prospects of study] / E.V. Ruslanov // Bull. of Samara State Univ. – 2015. – № 4 (126). – P. 134 – 139.
 5. Golubeva, Yu.V. Paleogeografija i paleo-klimat pozdnelednikov'ja i golocena v severnoy i sredney podzonah tajgi Timano-Pechoro-Vychegodskogo regiona (po palinologicheskim dannym) [Paleogeography and paleoclimate of the Late Glacial and Holocene in the northern and middle taiga subzones of the Timan-Pechora-Vychegda region (according to palynological data)]: abstract of diss.... Cand. Sci. (Geol.&Mineral.). / Yu.V. Golubeva. – Syktyvkar, 2010. – 26 p.
 6. Kanivets, V.I. Poselenija zheleznoego veka na Sredney Pechore [Iron Age settlements on the Middle Pechora] / V.I. Kanivets // Proc. of the Komi Branch of the All-Union Geographical Society. Vol. II. Issue 4 (14). – Syktyvkar, 1972. – P. 79 – 89.
 7. Kanivets V.I. Mezoliticheskie stojanki na Sredney Pechore i Use // Poselenija ka-mennogo i medno-bronzovogo vekov na Pechore i Use [Mesolithic sites on the Middle Pechora and Usa] / V.I. Kanivets // Settlements of the Stone and Copper-Bronze Ages on the Pechora and Usa]. – Syktyvkar, 1973. – P. 3 – 23. (Materials on archaeology of the European North-East; Issue IV).
 8. Kanivets, V.I. Pechorskoe Priropol'jar'e. Epoha rannego metalla [Pechora Circumpolar region. The Era of Early Metal]. / V.I. Kanivets. – Moscow: Nauka, 1974. – 150 p.
 9. Pavlov, P.Yu. Raskopki Byzovskoy paleoliticheskoy stojanki v 1983-1985 gg. / P.Yu. Pavlov // Pamjatniki material'noy kul'tury na Evropeyskom Severo-Vostoke [Excavations of the Byzovskaya Paleolithic site in 1983-1985 // Sites of material culture in the European Northeast]. – Syktyvkar, 1986. – P. 6 – 21. (Materials on archaeology of the European North-East; Issue 10).
 10. Volokitin, A.V. Osobennosti industriy mezoliticheskikh pamjatnikov Topyd-Njur 5 i 7a na sredney Pechore / A.V. Volokitin // Material'naja i duhovnaja kul'tura naselenija Evropejskogo Severo-Vostoka [Features of the industries of Mesolithic sites Topyd-Njur 5 and 7a on the Middle Pechora // Material and spiritual culture of the population of the European Northeast]. – Syktyvkar, 1987. – P. 6 – 15. (Proc. of Inst. of Lang., Liter. and History. Issue 39).
 11. Murygin, A.M. Pechorskoe Priural'e: epoha srednevekov'ja [Pechora Pre-Urals: the epoch of the Middle Ages]. / A.M. Murygin / – Moscow: Nauka, 1992. – 182 p.
 12. Kanivets, V.I. Paleolit krajnego Severo-Vostoka Evropy: basseyn Pechory [Paleolithic of the extreme North-East of Europe: the Pechora basin]. / V.I. Kanivets. – Moscow: Nauka, 1976. – 98 p.
 13. Pavlov, P.Yu. O pervonachal'nom zaselenii severa Urala [About the initial settling of the north of the Urals] / P.Yu. Pavlov // Ural Historical Bull. – 2015. – № 2 (47). – P. 50 – 60.
 14. Volokitin, A.V. Mezolit [The Mesolithic] / A.V. Volokitin // Archaeology of the Komi Republic. – Moscow: DiK, 1997. – Part 3, Chapter 2. – P. 91 – 145.
 15. Stokolos, V.S. Kul'tury epohi rannego metalla Severnogo Priural'ja [Cultures of the Early Metal era of the Northern Urals] / V.S. Stokolos. – Moscow: Nauka, 1988. – 256 p.
 16. Stokolos, V.S. Eneolit i bronzovyj vek [The Eneolithic and the Bronze Age] / V.S. Stokolos // Archaeology of the Komi Republic. – Moscow: DiK, 1997. – Part 4. – P. 213 – 313.
 17. Arheologicheskaja karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic]. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 416 p.
 18. Luzgin, V.E. Drevnie kul'tury Izhmy [Ancient cultures of the Izhma] / V.E. Luzgin. – Moscow: Nauka, 1972. – 128 p.
 19. Istomina, T.V. Materialy k arheologicheskoy karte Izhemskogo rajona // Nauchnye ekspedicii i issledovaniya Komi kraja [Materials for the archaeological map of the Izhma region] / T.V. Istomina, A.V. Volokitin // Sci. expeditions and research of the Komi Region]: Abstracts of the V sci. Local History Conf. of the Komi Republic. – Syktyvkar, 1993. – P. 50 – 54.
 20. Bagin, A.L. Razvedochnye raboty na Izhme [Exploration work on the Izhma] / A.L. Bagin, A.V. Volokitin // Archaeological discoveries of 2003. – Moscow: Nauka, 2004. – P. 12 – 14.
 21. Volokitin, A.V. K voprosu o sezonnyh migracijah v mezolite r. Izhma // Verhnedonskoy arheologicheskij sbornik [On the problem of seasonal migrations in the Mesolithic of the Izhma River // Upper-Don archaeological collection]

- / A.V. Volokitin, N.A. Volokitina; eds. A.A. Besudnov, E.Yu. Zakharova. – Issue 11. P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagog. Univ. – Lipetsk: P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagog. Univ., 2019. – P. 268 – 278.
22. Volokitin, A.V. Mezoliticheskiy pamjatnik Lek-Lesa na r. Izhma / A.V. Volokitin // Kamennyj vek lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Zaural'ja [Lek-Lesa mesolithic site on the Izhma River // Stone Age of the forest zone of Eastern Europe and Trans-Urals]. – Moscow: ACADEMIA Publ., 2005. – P. 198 – 205.
 23. Ashikhmina, L.I. Pamjatniki anan'inskoy kul'turnoy obshchnosti [Sites of Ananyino cultural community] / L.I. Ashikhmina, I.O. Vaskul // Archaeology of the Komi Republic. – Moscow: DiK, 1997. – P. 314 – 348.
 24. Volokitin, A.V. Mnogosloynnyj arheologicheskij pamjatnik Vylys Tom 2 i formirovanie doliny r. Izhmy v golocene / A.V. Volokitin, A.V. Panin, Kh.A. Arslanov // Evrazija v kajnozoe. Stratigrafija, paleoekologija, kul'tury [Multilayered archaeological site Vylys Tom 2 and the formation of the Izhma River valley in the Holocene // Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures]. – 2014. – № 3. – P. 42 – 46.
 25. Volokitin, A.V. Mezoliticheskie stojanki Parch 1 i Parch 2 na Vychehde [Mesolithic sites of Parch 1 and Parch 2 on the Vychehda] / A.V. Volokitin. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS Publ., 2006. – 126 p.
 26. Sorokin, A.N. Butovskaja mezoliticheskaja kul'tura (po materialam Desnjanskoy ekspedicii) [Butovo Mesolithic culture (based on the materials of the Desna expedition)] / A.N. Sorokin. – Moscow, 1990. – 248 p.
 27. Plyusnin, S.M. Predistorija sela Novyj Bor / S.M. Plyusnin // Duhovnaja kul'tura: istorija i tendencija razvitiya [Prehistory of the village of Novy Bor // Spiritual culture: history and development trend]: Abstracts. – Syktyvkar, 1992. – Part 2. – P. 27 – 29.
 28. Vaskul, I.O. Pamjatniki gl'jadenovskoy kul'turnoy obshchnosti [Sites of the Glyadenovo cultural community] // Archaeology of the Komi Republic / I.O. Vaskul. – Moscow: DiK, 1997. – P. 349 – 399.
 29. Plyusnin, S.M. Gorodishcha Novogo Bora / S.M. Plyusnin // Tez. Mezhd. Simpoziuma «Problemy istorikokul'turnoy sredy Arktiki» [Settlements of Novy Bor // Abstracts of Intern. Symp. «Problems of the historical and cultural environment of the Arctic»]. – Syktyvkar, 1991. – P. 115 – 116.
 30. Murygin, A.M. Novye arheologicheskie issledovanija kompleksa Novyj Bor III v Pechorskoy Zapoljar'e [New archaeological investigations of the Novy Bor III complex in the Pechora Arctic] / A.M. Murygin, M.V. Klenov // Proc. of Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2015. – № 3 (23). – P. 119 – 131.
 31. Baryshev, I.B. Srednevekovoe gorodishche Kobylina na nizhney Pechore [The medieval settlement of Kobylina on the Lower Pechora]. Materials on the history and archaeology of Russia. Vol.1. / I.B. Baryshev. – Ryazan: Alexandria, 2010. – P. 216 – 230.
 32. Murygin, A.M. Poselenie Jugorskaja sopka. Drevnosti Gorodeckogo ozera [Settlement Yugorskaya sopka. Antiquities of Gorodetsky Lake]. Issue 1. / A.M. Murygin. – Naryan-Mar – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2019. – 96 p.
 33. Yasinsky, M.E. Pustozersk. Russkii gorod v Arktike [Pustozersk. Russian town in the Arctic]. / M.E. Yasinsky, O.V. Ovsyannikov. – St.Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2003. – 400 p.
 34. Nikiforova, L.D. Dinamika landshaftnykh zon golocena severo-vostoka Evropeyskoy chasti SSSR / L.D. Nikiforova // Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleystocene i goloene [Dynamics of landscape zones of the Holocene of the North-East of the European part of the USSR // Development of the nature of the territory of the USSR in the Late Pleistocene and Holocene]. – Moscow: Nauka, 1982. – P. 154 – 162.
 35. Luzgin, V.E. Arheologicheskie pamjatniki basseyna r. Sula (Malozemel'skaja tundra) / V.E. Luzgin, A.M. Murygin, V.N. Karmanov // Pervobytnye i srednevekovye drevnosti evropeyskogo Severo-Vostoka [Archaeological sites of the Sula river basin (Malozemel'skaya tundra) // Primitive and medieval antiquities of the European Northeast]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2015. – P. 53 – 79. (Materials on archaeology of the European North-East; Issue 19).
 36. Chernov, G.A. Atlas arheologicheskikh pamjatnikov Bol'shezemel'skoy tundry [Atlas of archaeological sites of the Bolshezemel'skaya tundra]. / G.A. Chernov. – Moscow: Nauka, 1985. – 169 p.
 37. Murygin, A.M. Keramicheskoe proizvodstvo naselenija Cirkumpoljarnoy oblasti Severnogo Priural'ja epohi zheleza – tradicii i novacii [Ceramic production of the population of the Circumpolar region of the Northern Pre-Urals of the Iron Age - traditions and innovations] // I-st Intern. Conf. «Archaeology of the Arctic»: Abstracts (November 19 – 22, Salekhard) / A.M. Murygin. – Ekaterinburg, 2017. – P. 136 – 137.
 38. Bagin, A.L. Otchet o rabotah Nizhnepechorskogo arheologicheskogo otrjada v 2000 g. [Report on the work of the Lower Pechora archaeological team in 2000] / A.L. Bagin. – Syktyvkar: Sci. Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F. 5. Op. 2., № 554. 99 p.
 39. Bagin, A.L. Otchet o rabotah Nizhnepechorskogo arheologicheskogo otrjada v 2001 g. Raskopki poselenija Novyj Bor 3/1 [Report on the work of the Lower Pechora archaeological team in 2001. Excavations of the Novy Bor 3/1 settlement] / A.L. Bagin. – Syktyvkar: Sci. Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F. 5. Op. 2. № 584. 9 p.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021
The Editorial Office received the paper on 12.08.2021